

МОИ ВСТРЕЧИ С НЕКРАСОВЫМ

(К ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ)

В ПЕТЕРБУРГЕ

Из Москвы мы переехали в Петербург, где Некрасов обещал отцу постоянные занятия в редакции "Отечественных записок".

Это было в самом начале семидесятых годов. Отец мой занял место секретаря редакции. Обязанности его были не сложны: раз в неделю собирались у Некрасова, принимал и возвращал рукописи¹. Кое-что читал дома и сообщал о прочитанном Николаю Алексеевичу.

Некрасов был после нашего приезда у нас в гостях и больше не заходил, несмотря на то, что мы жили близехонько от него. Некрасову тяжело было взбираться по лестнице, а лифтов тогда не было.

С этого времени мне приходилось бывать у Некрасовых, то с отцом, то по поручению отца с письмами бегал, то заходил к ним один, просиживая часами у жены Николая Алексеевича, которая ласково меня принимала. Зинаида Николаевна, на мой взгляд, была красавицей, располагавшей к себе и нежным взглядом, и всегда приветливой улыбкой. Волосы ее были светлые, профиль на редкость правильный, римский, сказал бы я. Душа русской добрейшей женщины чувствовалась в ней с первого знакомства.

Возили меня Некрасовы в Большой театр, где у них была абонирована ложа в оперу. Слушали мы оперу "Фра-Дьяволо"² с Ф. Комиссаржевским, тогда самым модным тенором. Ему подавали в изобилии цветы, подарки. Был ли это бенефис его или первый выход в сезоне - не помню. Сам он был красив и чаровал общество. Некрасов, который приехал ко второму акту, объяснял мне происходившее на сцене.

Возили меня Некрасовы еще в балет. Были раз в итальянской опере. Каждый спектакль составлял для меня событие. <...>

Недавно З. Н. Гиппиус, вспоминая о моем отце, рассказывала, как однажды ему читал одно из своих стихотворений Некрасов. Разрыдался и поэт, и слушавший его Плещеев.

Вспоминаю и я, как в этой большой комнате Некрасов читал отцу первую часть "Русских женщин". Я был тут же, и нами ограничивались все слушатели. Некрасов был сам захвачен поэмой и читал с чувством удовлетворенности. Отец рассказывал потом, что обыкновенно он читал свои вещи неохотно. "Русские женщины" явились незабываемым событием в тогдашних литературных кружках еще до напечатания их. Все говорили об этой сильной художественной вещи; уверяли, что Некрасов не писал никогда ничего подобного.

Хриплый, слабый голос поэта не нарушал впечатления слушателя. Отец поздравил и благодарил Николая Алексеевича.

Я забыл, впрочем, упомянуть еще об одном слушателе "Русских женщин" - о любимой собаке Николая Алексеевича - Кадо, которая чувствовала себя здесь вторым хозяином. Сотрудники "Отечественных записок" были её друзьями. Глеб Успенский говорил, что она лаяла только на чиновника цензурного комитета.

Две фигуры оставались неизменными в квартире Некрасовых: Никанор, красивый, бородатый крестьянин Ярославской губ., показывавшийся всегда в рубахе и плисовом пиджаке, в сапогах с длинными голенищами, и Василий, слуга и друг поэта, ходивший за ним как нянька.

Глеб Иванович Успенский всегда пожимал ему руку, называя его по имени и отчеству, и мой отец тоже.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВЕЧЕР С УЧАСТИЕМ НЕКРАСОВА

Н. А. Некрасов избегал публичных выступлений, ему тяжело было читать громко, голос его был слабый и хриплый.

Тем не менее он сделал исключение для Литературного фонда и выступил на вечере в его пользу, в зале купеческого клуба на Невском пр. у Казанского моста³.

Зал небольшой, человек на 500. Позднее это помещение занял учетный банк. В вечере участвовали А. Н. Майков, А. Н. Плещеев, П. И. Вейнберг.

Майков тоже был редким гостем эстрады. Читал он мастерски, и его шумно приветствовали за стихотворение "У памятника Крылова", нигде еще тогда не напечатанное.

Наконец, после антракта, из комнаты, отведенной для участвовавших в этом вечере, показалась фигура Некрасова. Поэт пробирался вдоль стены пред первым рядом публики. Кафедра находилась посередине узкой залы, а места для публики тянулись вдоль зала. Зала дрогнула, публика поднялась с мест, а позади ее растворилась дверь и хлынула как поток молодежь. Некрасов шел тихо под неумолкаемый гром зала.

Вот он у кафедры! Раскланивается и собирается читать. Снова взрыв аплодисментов и крики. У многих из нас на глазах слезы. Общество пришло выразить любимому поэту глубокое уважение к нему, восхищение его талантом, а может быть, и протест в лице его против тех преследований передовой русской мысли, за которую поэт страдал и сражался.

Некрасов долго не мог начать чтения новых и еще не напечатанных "Трех элегий"... Мне они особенно памяты и близки сердцу, потому что посвящены моему отцу. Начинаются они строками: "О, что изгнанье, заточенье... Захочет, выручит судьба"...⁴

Чтение закончено, и новая овация великому поэту. Он почти не сталкивался лицом к лицу с публикой, его мало видели, но хотели и искали случая видеть. Литературный вечер фонда способствовал этому свиданию. Можно было сказать, что общество пришло не только слушать, но и смотреть Некрасова.

II

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

Вспоминаю кое-какие мелочи о Некрасове.

В Петербурге я бывал у Некрасова на Литейном, в доме Краевского, где поэт жил до конца жизни. И теперь еще я вспоминаю об этом, посматривая на портрет поэта, который он мне подарил 30 мая 1872 года, с автографом: "Саше Плещееву на память. Н. Некрасов". Жена поэта, Зинаида Николаевна, в этот же день подарила также мне свой портрет. Они только что снимались у Бергамаско. Все это было так далеко, что смутно лишь припоминаешь два-три лица, с которыми приходилось встречаться у Некрасова в то время. Сохранился в памяти отлично сам Николай Алексеевич с его сиплым голосом, особенно резким, когда поэт смеялся. Около него находилась всегда на почетном месте собака Кадо; в комнатах показывались камердинер Некрасова Василий и красивый мужик в бархатном пиджаке Никанор.

^Мстановка квартиры была самой обыкновенной и довольно мрачной на вид: на столах, особенно в кабинете Некрасова, замечался хаос, который исчезал лишь с отъездом поэта. Приходя к Некрасову, не чувствовалось, что приходишь в гости, напротив, чувствовалось как будто у себя дома. Простота была здесь самая привлекательная. Отец мой глубоко уважал Николая Алексеевича и всюду, где только мог, подчеркивал отношение Некрасова к

сотрудникам. Передо мной два письма поэта к моему отцу, написанные именно в семидесятых годах. Ввиду интимности этих писем я не хочу их печатать. Из этих писем можно видеть, насколько Некрасов хотел помочь отцу и хлопотал по одному денежному делу. Одновременно с этим Николай Алексеевич делает приписку: "на случай неуспеха могу вам предложить взять у меня жалованье вперед за два месяца"⁵. Времена были тогда для отца тяжелые, и постоянной отзывчивости Некрасова отец не мог забыть до самой смерти. Он возмущался, когда не знавшие Николая Алексеевича лица характеризовали его совершенно в ином свете⁶. Сотрудники Некрасова, окружавшие его, помнят, какой это был человек, а мнения, создаваемые понаслышке, конечно, ничего не стоят.

Примечания

Александр Алексеевич Плещеев (1858--1944) - драматург, театральный критик, сын А. Н. Плещеева, поэта-петрашевца, секретаря редакции "Отечественных записок". А. Н. Плещеев после ссылки сотрудничал в "Современнике", выполнял поручения Некрасова. Так, в одном из писем к Н. В. Гербелю (1868) он просил: "Передайте Некрасову, что якушкинских рукописей (фольклориста П. И. Якушкина) *я* не смогу разыскать" (ГПБ, ф. 179, ед. хр. 85, л. 8 об.). Некрасов предлагал А. Н. Плещееву вести в "Современнике" отдел "Московской хроники", а как только решился вопрос о переходе в его руки "Отечественных записок", пригласил Плещеева сотрудничать в журнале. (О взаимоотношениях между Некрасовым и А. Н. Плещеевым см. статью Л. Пустильник в сб. "О Некрасове. Статьи и материалы", вып. II, Ярославль, 1968.) До переезда в Петербург в конце 1871 года Плещеевы жили в Москве; по пути в Ярославль, Карабиху Некрасов останавливался в Москве, приезжал к Плещеевым на дачу в Петровско-Разумовское. А. А. Плещеев вспоминал: "С Некрасовым мне не раз случалось в Москве проводить время. Он <...> приглашал отца и меня обедать в русский трактир Турина <...>. Иногда обедали с нами Салтыков-Щедрин и В. П. Гаевский, будущий председатель Литературного фонда. После обеда почти всегда ездили в экипаже в красивое Кунцево, где отдыхали и гуляли" (Александр Плещеев, Что вспомнилось. Актеры и писатели, т. III, СПб. 1914, стр. 2). После одной из таких встреч летом 1871 года А. Н. Плещеев писал Некрасову в Карабиху: "Передайте мой поклон добрейшему Михаилу Евграфовичу и Зинаиде Николаевне. Она обещала столько разных веселых вещей моему Сашке, что он и спит и видит, как бы попасть в Карабиху" (ЛН, т. 51--52, стр. 447).

Дружеские отношения Некрасова с Плещеевыми продолжались и в Петербурге.

Встречи А. А. Плещеева с поэтом были эпизодичны, что отразилось и на характере его воспоминаний, не претендующих на обобщения, аналитические оценки.

Воспоминания Плещеева, касающиеся пребывания Некрасова в Москве, в Петербурге, были впервые опубликованы в двадцать пятую годовщину со дня смерти поэта (БВ, 1902, No 368, 22 декабря). Впоследствии они вошли в книгу мемуаров Плещеева об актерах и писателях (1914). В 1907 году в "Петербургской газете" (No 355, 27 декабря) появились его заметки: "Из уцелевших в памяти воспоминаний", в которых рассказывалось о чтении поэтом "Трех элегий", о его внимании к семье Плещеевых, о похоронах Некрасова.

В 1927 году в эмиграции (в Париже) А. А. Плещеев написал новые воспоминания "Мои встречи с Некрасовым", которые вобрали в себя и многие его более ранние мемуарные заметки.

I. Печатается с сокращениями по тексту газеты "Сегодня" (Рига), 1927, No 292, от 25 декабря.

II. Печатается по изданию: А. А. Плещеев, Что вспомнилось. Актеры и писатели, т. III, СПб. 1914, стр. 259--260. "Из записной книжки" - название раздела книги, в который включены воспоминания о Некрасове.

¹ Стр. 377. А. Н. Плещеев писал Некрасову в сентябре 1872 г.: "Дайте мне возможность что-нибудь сделать для журнала. Верьте, что мне очень тяжело играть роль какой-то

приживалки при "Отечественных записках" и ничего в них не работать. Ведь не могу же я смотреть на свои секретарские обязанности как на нечто серьезное. Я очень хорошо понимаю, что это и синекура, и что мне они даны ради моего трудного положения..." (ЛН, т. 51--52, стр. 453).

² Стр. 378. "Фра-Дьяволо" - опера французского композитора Даниеля Обера. Музыкальные интересы Некрасова отметила также сестра поэта (по отцу) Е. А. Некрасова-Рюмлиг. Ее первый муж Л. А. Фохт окончил Петербургскую консерваторию, был учеником Венявского. Она рассказала: "Есть несколько романсов, написанных Львом Александровичем на слова Николая Алексеевича, например, стихотворение "Прости, не помни дней паденья" и "Еду ли ночью по улице темной". Когда Лев Александрович в первый раз принес ему уже напечатанные романсы, Николай Алексеевич был очень доволен и заметил: "Я уверен, что ваша музыка будет лучше, чем музыка князя Одоевского, который также писал на мои слова". Николай Алексеевич, видимо, любил музыку, и каждый раз, когда приходил г-н Фохт, он его просил что-нибудь сыграть на рояле, особенно ему нравился дуэт из оперы "Пуритане" Беллини, который поют баритон и бас (тогда великолепные итальянские артисты Котони и Уэтам), дуэт, как Николай Алексеевич выражался, поднимающий душу и кончающийся словами: "O Patria, o Liberta! (о родина, о свобода!)" ("Книга и революция", 1921, No 2, стр. 60).

³ Стр. 379. Упомянутый литературный вечер состоялся 16 марта 1874 г. Некрасов и А. Майков читали стихотворения, которые печатались в альманахе "Складчина", изданном в пользу пострадавших от голода в Самарской губ.

⁴ Стр. 380. См. Н. А. Некрасов, т. II, 356--357.

⁵ Стр. 381. Оба письма Некрасова, написанные в один день - 2 июня 1875 г., - известны. Они касались просьбы Плещеева денежной помощи у Литературного фонда. Плещеев цитирует первое письмо (см, XI, 365).

⁶ Стр. 381. А. Н. Плещеев написал некролог "Николай Алексеевич Некрасов", в котором говорилось: "Для тех, кто посвятил себя поэтической деятельности, утрата эта особенно чувствительна, скажем более - незаменима... Поэты, приносившие к нему свои произведения, всегда могли рассчитывать на его сочувственное, ободряющее слово, на полезный и добрый совет. Часто случается, что даровитые писатели бывают плохими ценителями чужих произведений, но к покойному Николаю Алексеевичу никак нельзя было применить этого; напротив, он обладал необыкновенной критической способностью, и отзывы его всегда были в высшей степени верны... Вообще это был человек сильного, выдающегося ума, и та же самая верность и ширина взгляда замечалась у него при оценке людей и фактов" (БВ, 1877, No 377).